

Джули считала, что банкет должен быть устроен с максимальным размахом — в истинно французском духе. В эпоху, когда соперничество за звание лучшего пира уже вошло в привычку, чтобы оставаться непобедимым, приходилось не жалеть средств, превосходя других, пока одна из сторон не разорится окончательно. В её воображении праздничное убранство начиналось прямо с улицы: всю дорогу следовало застелить роскошными персидскими коврами, с одной стороны выставить шёлковые ткани, расшитые золотыми и серебряными нитями, а с другой — усыпать путь цветами. На каждом пятом шаге — слуга, на каждом десятом — рыцарь, и каждый должен был держать в руках драгоценные украшения или парадные сервизы. Еда на банкете должна была литься рекой, а воздух — быть напоён ароматами сладостей и вин. (Здесь автор ссылается на описание приёма, устроенного персидским двором для одного английского барона-купца.)

Однако отец Джо полагал, что банкет должен быть утончённее, с упором на качество. Например, заполнить залы произведениями искусства, пригласить лучших литераторов, певцов и знатоков живописи, а также придумать глубокую, исторически осмысленную тему. Чтобы каждый гордился приглашением и даже сохранил его как реликвию для потомков.

Они спорили до хрипоты: один называл другого выскочкой, другой обвинял первого в пустых фантазиях и полном пренебрежении к оставшемуся на подготовку времени.

Если бы дело ограничивалось только этим, Август не стал бы беспокоиться. Но и Джули, и отец Джо обожали искать у него, нейтральной стороны, поддержки. Мальчик-герцог стал игрушкой, которую перетягивали, как канат: каждый хотел, чтобы Август принял его сторону, и даже малейшая колкость со стороны оппонента немедленно становилась поводом для жалоб.

Август, уже сходящий с ума от латыни, только и мог кричать: «Зачем?! Почему я?!»

Рафаэль же благоразумно скрылся в соседней комнате — он был занят ещё больше. Впрочем, дружбу он не забыл и оставил Августу нечто, способное спасти того от этой перепалки.

На столе Августа незаметно появилась тайная литературная работа одного аристократа XIII века — «Тайная тайных».

Книга была не столько увлекательной, сколько наполненной абсурдными идеями средневековых знатных господ и их тягой к плотским утехам.

Но на полях, в рукописных пометках, Август отыскал нужную ему фразу: «Какой банкет запоминается более всего? Тот, что следует за страданием». (Адаптировано по книге «Скатерть Карла Великого».)

Например, праздник после войны.

Тот пир мог и не быть самым изысканным, но выжившие солдаты помнили его всю жизнь. Шампанское, красавицы, даже быстрая танцевальная мелодия — всё это звенело в памяти, не стираясь с годами.

Август не мог заставить бристольских аристократов в одночасье пережить всеобщее бедствие.

Зато Церковь — могла.

Об этом ему напомнила «Тайная тайных».

Один из кошмаров Средневековья — пост. Он не был исключительным достоянием ислама;

христианские посты в ту эпоху случались так же часто, как и пиры. Современному человеку это не понять — ныне даже Великий пост дело добровольное, и большинство верующих его не соблюдает.

Но в Средние века пост был вечной, неизбежной темой.

Оттого во многих произведениях той поры встречаются серьёзные рассуждения о том, что считать мясом, а что — нет. Люди шли на всякие ухищрения, лишь бы утолить гастрономический голод.

Как раз приближался Великий пост, важный для христиан.

Он же — Четыредесятница, сорок дней от Пепельной среды до Пасхи, установленный в память о пребывании Христа в пустыне. Это самый длительный период воздержания в христианской традиции, а чревоугодие считается смертным грехом.

Август счёл это высшим злом для всех гурманов.

Именно это и породило у многих средневековых аристократов извращённые представления. Они метались между постом и обжорством на пирах, страдали от несварения, и почти у каждого болел желудок. Август едва не порвал книгу, когда прочёл, что автор рекомендовал для облегчения желудочной боли обнимать обнажённую молодую красавицу, дабы согреть живот.

Так или иначе, если бы Август сумел устроить после поста пир, что утолил бы аппетиты, но не причинил вреда желудку, его запомнили бы надолго.

И в будущем, едва закончится Четыредесятница, люди говорили бы: «Я вкусил первый постный обед на банкете герцога Глостера».

Август изложил эту идею — и получил единодушное одобрение и от Джули, и от отца Джо.

Те снова нашли общий язык.

— У нас даже появилась тема для банкета — Страстная пятница, — заявил отец Джо, с детства знавший Библию. В изобретении благочестивых поводов для веселья он был неподражаем. Страстная пятница знаменует окончание поста, и отец Джо полагал, что на этом основании можно устроить благотворительный вечер. Какая глубокая мысль!

— А уж кто понимает, чего хочется после долгого воздержания, как не дамы, вечно сидящие на диетах! — хлопнула в ладоши Джули, чья стройная фигура тоже давалась не даром. — Будет и вкусно, и для желудка безопасно. Да и соперничество между банкетами никуда не денется: достаточно взять самый удачный пир на карнавале — и превзойти его.

Карнавал — важный день накануне Четыредесятницы, также известный как «Жирный вторник», в противовес «Пепельной среде».

В этот день люди стараются съесть всё, что запрещено во время поста и не может храниться шесть недель. Английская знать особенно жаждет этого времени — маскарады, игры, петушинные бои... Развлечений хватает, помимо обжорства. Почти каждый с нетерпением ждёт ежегодного карнавала — лучшего предлога для пьянства и мимолётных связей.

— Кто устраивает в городе главный карнавал в этом году? — спросила Джули.

— Титулярный епископ, — ответил Август, уже получивший приглашение. Только в Средние века высшее духовенство могло позволить себе такие пиры в частных владениях.

— О-о, — в один голос протянули отец Джо и Джули.

Вот это ирония судьбы. В их взглядах читалось одно и то же: они уже знали от Рафаэля о проделках титулярного епископа и пришли к единому решению — уничтожить его!

Август кивнул, соглашаясь с планом.

Когда с Джули и отцом Джо было покончено, перед Августом вновь появился Рафаэль.

Август принялся перечислять все счастливые совпадения, что с ним приключились, и пробормотал сам себе: «Сменить судьбу — и впрямь не пустые слова».

— Конечно, тебя благословила сама Фортуна, — улыбнулся Рафаэль, подхватывая тему. — Это наивысшая компенсация за все страдания прошлой жизни.

— А тебе? — поинтересовался Август, чувствуя, что и Рафаэль заслуживает воздаяния.

Тот прямо посмотрел на него. — Я уже получил своё.

...

Карнавал, он же Покаянный день, в Англии зовётся «Жирным вторником» и представляет собой смесь вакханалии, обжорства и скоморошских представлений, где каждый предаётся безудержному веселью «последней трапезы». Это своеобразный ненасильственный протест против чрезмерно суровой средневековой системы. Церковь его не поощряет, но и не запрещает, полагая, что подобные вольности в отведённое время делают паству смиреннее на время поста.

Есть ли у этой теории научное обоснование — неизвестно, но карнавал любят все так же сильно, как большинство аристократов ненавидят Великий пост.

<http://bllate.org/book/15929/1424106>